

Демократия и особенности российского национального характера (к политико-психологическим аспектам имиджа России)*

Г. Ю. КАНАРШ

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)**

В статье с позиций характерологической креатологии (дисциплины, изучающей естественно-научные, характерологические основания творческого процесса) рассматривается вопрос о том, какие особенности западного (европейского, американского) душевного устройства нашли выражение в теории и практике западной демократии и почему российский характер оказался невосприимчив к демократии как произведению иной (не славянской, не русской) души. Автор пытается дать ответ на этот вопрос, опираясь на разработки как в области характерологической креатологии, так и на исследования отечественных ученых — философов и обществоведов.

Ключевые слова: демократия, национальный характер, характерологическая креатология, имидж России.

Democracy and the Peculiarities of Russian National Character (to the Political-psychological Aspects of the Image of Russia)

G. Yu. KANARSH

(MOSCOW UNIVERSITY OF THE HUMANITIES)

In the article from the positions of characterological creatology the issue on which features of western spiritual arrangement were expressed in the theory and practice of the western democracy and why the Russian temper turned out to be imperceptive to democracy as a creation of the other (non-Slavonic, non-Russian) soul, is being considered.

Keywords: democracy, national character, characterological creatology, image of Russia.

Демократическую форму правления можно отнести к универсальным ценностям (наряду с экономикой свободного рынка и частной собственностью). Безусловно, ценности демократии, имея западное происхождение, получили сегодня широкое распространение и признание во всем мире, и, как считается, приверженность этим ценностям выступает признаком современности. Степень их реализованности в политической практике позволяет судить, насколько то или иное общество является современным

или, точнее, каков уровень его политической модернизированности. Вероятно, именно по этой причине абсолютное большинство современных государств причисляет себя к демократиям (см.: Политический атлас современности, 2007) (в какой степени они являются демократическими — другой вопрос). Между тем целый ряд государств, имевших в прошлом опыт тоталитарного и авторитарного развития (в их числе и Россия), но с некоторых пор стремящихся развивать у себя современные формы политиче-

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках проекта «Новый имидж России» (проект №09-03-00780a/Р).

** Канарш Григорий Юрьевич — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, ответственный секретарь журнала «Знание. Понимание. Умение». Тел.: (495) 374-59-30. Эл. адрес: grigkanarsh@yandex.ru.

ской жизни, столкнулись со значительными трудностями в процессе перехода к демократии. Эти трудности, как часто полагают, связаны с не всегда достаточным уровнем демократической политической культуры, неразвитостью политических отношений и институтов (того, что называют «публичной политикой»), грузом патриархальных традиций и т. п. В результате переход к демократии оказывается для новых государств чрезвычайно трудным и болезненным делом, чреватым рецидивами прошлого и откатом к авторитаризму¹.

Анализ факторов, препятствующих или, во всяком случае, серьезно затрудняющих переход государств от авторитарных/тоталитарных политических систем к системам либеральным и демократическим, способен выявить как общее, так и специфическое, особенное в развитии поставторитарных обществ. Общее определяется закономерностями перехода, наблюдаемыми всякий раз в разных странах, с разными типами политической культуры, традициями и т. д. и независимо от них. Особенное же как раз связано с этими специфическими чертами (история, культура, традиции, быт), которые у каждого народа, у каждого общества свои и как таковые неизбежно влияют на восприятие нового политического уклада, соответственно чертят *собственную траекторию развития* (в том числе развития демократического) для данного общества.

В настоящей статье я попытаюсь проанализировать влияние на политику и на процесс становления демократии в разных обществах (прежде всего, конечно, меня будет интересовать современное российское общество) фактора *национального характера*. Этот фактор, что называется, будучи на слуху, тем не менее учитывается весьма незначительно в теоретической политологии и политической философии (и это вполне естественно для *теоретических* дисциплин), но, как представляется, именно его воздействием можно объяснить многие перипетии нашей сегодняшней политической жизни. При этом я не стану вдаваться в дискуссии о пра-

вомерности использования самого термина «национальный характер» вообще и в политологическом анализе в частности, полагая вслед за известным отечественным психиатром-психотерапевтом, глубоким исследователем человеческой души (прежде всего, в многолетней клинической практике) профессором М. Е. Бурно, что национальный характер, характер народа, как и характер отдельного человека (точнее, все многообразие этих характеров), *безусловно существует* (см.: Бурно, 2008а; Волков, 2000; см. также: Канарш, 2009b). И факт установления и описания такого характера (характеров) — *не умозрительное дело* (как например, это происходит в психоанализе²), *а занятие вполне реалистическое, земное*, но требующее специальных знаний и подготовки³, позволяющих увидеть, почувствовать ту или иную характерологическую структуру, тот или иной склад души (в том числе души народа) в реальности. Но начать позволю себе с некоторых существенных констатаций.

РЕЗУЛЬТАТЫ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА В РОССИИ

Проблема политической демократии сегодня — одна из наиболее важных и широко обсуждаемых в политологическом сообществе (российском и других стран). На Западе такого рода обсуждения стимулируются прежде всего необходимостью осмысления экономических и политических последствий глобализации и связаны с озабоченностью западной интеллектуальной элиты перспективами демократии в глобализирующемся мире. Так, с одной стороны, процесс экономической глобализации существенно способствует распространению формальной (процедурной) демократии в мире. А с другой, интернационализация экономических связей, выход рынков из-под контроля политических элит серьезно ослабляют возможности национального государства в плане аккумуляции и последующего распределения национального богатства. А это, в свою очередь, ведет к подрыву самих основ

социального государства, как оно сложилось на Западе, и, следовательно, к размышлению социальных и экономических основ политической демократии⁴. В России обсуждение перспектив демократии происходит в принципиально ином, чем на Западе, политическом и историческом контексте. В отличие от западных государств, в которых демократия как таковая состоялась, стала фактом общественной и политической жизни и сегодня лишь сталкивается с новыми вызовами (вызовами, прежде всего, со стороны глобализации), российский «демократический проект» расценивается подавляющим большинством исследователей как неуспешный, принципиально незавершенный. При этом причины неуспеха и незавершенности этого проекта, по общему мнению, носят не внешний, а *внутренний* характер, будучи связанными с особенностями политических и экономических преобразований конца прошлого — начала нынешнего столетия.

Не входя в описание подробностей, деталей демократического транзита⁵, приведу несколько авторитетных суждений (высказанных в отечественной политологической литературе последних лет), фиксирующих лишь его *результаты*. Так, известный историк и политолог, один из авторов концепции «Русской системы» Ю. С. Пивоваров констатирует, что демократический транзит в России в очередной раз (как это случалось и ранее, например в середине XIX и начале XX в.) завершился неудачей. И эта неудача стала особенно заметной в период реформ путинской администрации. «Видимо, к началу второго срока президентства В. В. Путина в основном завершилась эпоха «транзита». Выйдя из пункта «А» Россия пришла к пункту... «А»... Ведь транзит предполагает попадание в пункт «Б». Однако русский транзит обладает особыми свойствами. Его траектория всегда замысловата, так сказать, в процессуальном отношении, но «провиденциальна» в содержательном. Я бы сформулировал это так: отречемся от старого мира, разрушим его до основания, построим но-

вый и вдруг обнаружим, что все это на самом деле было спасением мира старого — не по форме, по существу» (Пивоваров, 2006: 11). При этом исследователь уточняет: «...то, что мы видим сегодня, не только и не просто «возвращение» к советским временам. Это вообще *возвращение*. К тому, что было всегда. *Было*, несмотря на множество реформ, поверхностный политический плюрализм, кратковременные эпохи публичной политики и т. п.» (там же: 15)⁶.

Сходных оценок результатов российского демократического транзита придерживается и историк, политолог Т. Е. Ворожейкина. В статье с характерным названием «Несбывающаяся политика» Ворожейкина рисует выразительную траекторию движения политического процесса в посткоммунистической России, констатируя, что «в результате процессов деинституционализации (происходящих сегодня в России. — Г. К.) не только власть, но и политическая сфера в целом утрачивает публичное измерение. Лишившись реального смысла — конкурентной борьбы за власть, — политика в современной России превратилась в «церемониальную» и тем самым вновь стала пустой и бессодержательной» (Ворожейкина, 2007: эл. версия). Соглашаясь с другой авторитетной исследовательницей, Л. Ф. Шевцовой (см.: Шевцова, 2004), Ворожейкина заключает: «Российская политика возвращается к советскому состоянию, включая нарастающие попытки власти снова сделать ее средством контроля над обществом, как это показали, в частности, парламентские выборы 2007 года» (Ворожейкина, 2007: эл. версия) (и, думаем, президентские выборы 2008 г.).

Ю. С. Пивоваров и Т. Е. Ворожейкина принадлежат к исследователям либеральной ориентации, к западникам, поэтому их оценки политической ситуации в России звучат подчас довольно категорично (и это понятно, исходя из принимаемого и разделяемого ими западного опыта). Интересно, что указания на «возвращающийся» характер русской истории, но с иным «знаком», можно встретить и в работах ученых, не всегда сто-

ящих на либерально-демократических (западнических) позициях. Например, тоже авторитетный ученый, политолог В. Н. Шевченко в своих статьях говорит о неких «инвариантах» российской политической жизни, о «традиционном типе государственности» в России, который противостоит реконструируемому им «либеральному типу государственности» и имеет тенденцию воспроизводиться на разных этапах исторического развития. «С моей точки зрения, — пишет Шевченко, — Русское централизованное государство, Российская империя, Советский Союз — все это исторические этапы развития одного традиционного типа российской государственности» (Шевченко, 2005: 169). При нем, как указывается далее, «имеет место чрезвычайно высокий уровень централизации власти, абсолютное доминирование прямых вертикальных властных структур над горизонтальными общественными связями. Для возникновения и устойчивого существования горизонтальных общественных связей и отношений в таком типе государства нет серьезных объективных оснований» (там же: 170).

Таким образом, исследователи разных политических убеждений (порой прямо противоположных) говорят сегодня о *фактическом возвращении России в «наезженную колею» исторического развития, о возврате ее к своим традиционалистским основам* спустя почти два десятилетия с начала демократических преобразований (рубеж 1980–1990-х годов прошлого века). Причины этого возвращения трактуются по-разному: от почти метафизических, философско-идеалистических объяснений (в духе концепции «Русской системы» или иных метафизических начал, «инвариантов», российской государственности) до вполне реалистических (но тоже по-своему концептуальных), исходящих не из «метафизики возвращения», а из специфики политического и социально-экономического развития страны после 1990 г.⁷

Разделяя в целом выводы исследователей о том, что результаты осуществления «де-

мократического проекта» можно признать неуспешными (в отличие, может быть, от несколько более успешно осуществлявшихся — хотя и это большой вопрос — процессов экономической модернизации), мне бы хотелось порассуждать о причинах этого неуспеха с несколько *иной точки зрения*, чем та, что принята в теоретической политологии или политической философии. *Эта точка зрения* определяется представлением о существовании особого природного национального характера, черты которого влияют на общий политический, культурный, хозяйственный строй жизни народов. Но прежде, как представляется, следует подробнее, детальнее сказать о *методологических основаниях* такого рассуждения.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ НАУКИ И ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКАЯ КРЕАТОЛОГИЯ (К МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ)

Первое, что следовало бы отметить здесь, что такой ход мысли — с точки зрения характеров (и учения о характерах — характерологии) — достаточно специфичен и весьма непривычен для *теоретического* знания (включая *теоретическое* обществоведение). Вопреки тому, как это принято в теоретической науке, в рамках характерологии рассуждения строятся на основе не той или иной авторской концепции (философской, социологической, психологической и т. д.), но на базе *реалистического, естественно-научного* знания-понимания природы людей. Именно такой, естественно-научный, исходящий из особенностей реалистически-земного (не абстрактно-теоретического) мышления взгляд на вещи (в том числе искусство, науку, политику), лежит в основе метода, получившего сегодня название *характерологической креатологии*. М. Е. Бурно, автор метода Терапии творческим самовыражением⁸ (*характерологическая креатология — «здоровая», не медицинская, ипостась ТТС, возникшая относительно недавно и обращенная прежде всего к здоровым людям, а не больным — «пациентам»*) пишет: «...по сути дела, речь идет о том, что ТТС способна

существовать, развиваться в культуре как *особое мироощущение-мировоззрение*. Если это так, то важно отграничить ТТС, с одной стороны, от *эстетики* и, с другой, — от *эвристики*. *Эстетика* изучает *наиболее общие закономерности творческого переживания* человеком прекрасного в жизни (в том числе в природе, искусстве). *Эвристика* изучает *наиболее общие закономерности творческого мышления*. ТТС, в отличие от *эстетики* и *эвристики*, изучает (прежде всего с лечебной целью) особенности разнообразного творчества, обусловленные *конкретными природными особенностями души*. ТТС проникает в природные особенности творческого характерологического, патологического переживания (неповторимо синтонного, неповторимо аутистического, неповторимо полифонического и т. д.), отправляясь от них. Эти природные особенности души звучат и в письме родственнику, и в *собственном* творческом вдохновении, и в определенном, свойственном тебе, мироощущении, и в своей неповторимой общественно полезной жизненной дороге. ТТС в таком широком понимании возможно называть *характерологической креатологией*» (Бурно, 2009: 169–170; см. также: Бурно, 2007: 17) (курсив автора — Г. К.).

Таким образом, характерологическая креатология выступает сегодня в качестве универсального *метода, особого исследовательского подхода*, чьи положения применяются при изучении самых разных областей человеческой деятельности, включая науку, политику, культуру, религию (см.: Бурно, 2008а: 78). В то же время у данного метода — даже при совпадении объекта (например, это могут быть произведения искусства, научные, художественные произведения и т. д.) с теоретическими дисциплинами (например, с искусствоведением, философией, культурологией, религиоведением и т. д.) — *есть принципиальное отличие* них. Оно состоит в том, что, как уже отмечалось, исследование здесь ведется естественно-научно-реалистически, исходя из *особенностей природы характера*, а не умозрительно-

теоретически (как это происходит в теоретических науках). Эту особенность характерологической креатологии можно пояснить, в частности, на примере сравнения с искусствоведением и этнологией. «Здесь же уместно пояснить отличие ТТС (характерологической креатологии) от искусствоведения. Искусствоведение — это, прежде всего, теория искусств, история искусств и художественной критики. Искусствоведение рассматривает художественную культуру, произведения искусства (в широком смысле, включая сюда и литературные произведения), исходя из определенной картины общественной жизни в данное историческое время, исходя из различных школ живописи и школ других искусств, вообще исходя из культурной жизни страны (обычаев, воспитания, образования и т. п. в этой конкретной стране)⁹. ТТС (характерологическая креатология) рассматривает произведения искусства, исходя из практически вековых особенностей природы характера творцов, исходя из практически вековых определенных душевных (чаще хронических) расстройств. ...Таким образом, ТТС (характерологическая креатология) *выводит на первый план именно то, как обнаруживают себя в произведении искусства природные душевные особенности его автора* (курсив мой. — Г. К.). И это также, думается, правомерный (не теоретический, но естественно-научный) подход в исследовании культуры, т. е. в исследовании всего того, что создают люди, в отличие от природы (береза, синица — природа, а ложка, песня — культура). ...Своей характерологичностью, естественнонаучностью отличается ТТС (характерологическая креатология), изучающая также этнические (присущие данному народу) особенности характера, быта, культуры, и от истинной *теоретической этнографии (этнологии)*» (там же: 170–171) (курсив автора. — Г. К.)¹⁰.

Наконец, возможно, наиболее важный вопрос — вопрос о характерах. В самом деле, *что есть человеческий характер*, т. е. те самые природные особенности души, о которых говорит клиническая (реалисти-

ческая, естественно-научная) характерология и представление о которых положено в основу ТТС и характерологической креатологии? В самом общем смысле характер — это некое природное единство *телесного* и *душевного* в человеке, его *душевно-телесная индивидуальность, обусловленная особенностями биологической конституции* (как, впрочем, и характеры животных, у которых, правда, в зачаточном виде, но все же содержатся ростки *человеческих* характеров). Не углубляясь в сложный вопрос о происхождении характеров (см. об этом: Бурно, 2008а: 129–140), можно сказать, что определенный душевный склад, как он сложился на протяжении веков (и даже тысячелетий), представляет собой *особую природную самозащиту*, оберегающую человека (данного склада) от разного рода вредоносных воздействий (прежде всего воздействий природной среды, но также и социума). В этом смысле говорится об особой природной «выкованности» характера¹¹. Сегодня в клинической (реалистической, не психологической¹²) характерологии, развитой и уточненной в рамках Школы Бурно, выделяют 12 *основных характерологических типов* («гирлянда характеров») (привожу по классификации М. Е. Бурно) (Бурно, 2008а: 10):

1) сангвинический (синтонный) характер (циклоид¹³);

2) напряженно-авторитарный характер (эпилептоид);

3) тревожно-сомневающийся характер (психастеник);

4) застенчиво-раздражительный характер (астеник);

5) педантичный характер (ананкаст);

6) замкнуто-углубленный, аутистический характер (шизоид);

7) демонстративный характер (истерик);

8) неустойчивый характер (неустойчивый психопат);

9) смешанные (мозаичные) характеры:

а) «грубоватый» характер (органический психопат);

б) «эндокринный» характер (эндокринный психопат);

в) «полифонический» характер (также в здоровой и болезненной своей выраженности)¹⁴.

Необходимо отметить также, что важнейшим диагностическим критерием при определении того или иного характера (помимо специфических признаков) в характерологии выступает *тип мироощущения* — реалистический (материалистический), идеалистический либо эклектический (в случае мозаичных, т. е. *нецелостных*, характеров). «В основе мироощущения (материалистического и идеалистического), с точки зрения характеролога, лежит особенность природного ощущения (чувства) каждого из нас, когда задаем себе вопрос: чувствую свое тело по отношению к своему духу (в широком смысле) источником духа или его приемником? Реалисты (материалисты) обычно уверенно отвечают на этот вопрос себе и другим: источником... Идеалист же либо отчетливо ощущает уже с детства изначальность, первичность духа... либо приходит к этому лишь с годами, либо не понимает этот вопрос, считая его не имеющим смысла, но и не согласен с тем, что тело (высокоорганизованная материя) — источник духа» (там же: 10). К реалистическим (материалистическим) характерам относятся (по приведенной выше классификации) первые пять характеров и «грубоватый»; к характерам с идеалистическим мироощущением — замкнуто-углубленный и «эндокринный»; полифонисты¹⁵ могут быть как с материалистической, так и идеалистической доминантой; ювенильные личности (истерики и неустойчивые) способны менять свое мироощущение по обстоятельствам (см. там же). Таким образом, все многообразие характеров группируется по *трем основным типам* (материалистический, идеалистический и эклектический — с доминантой первого либо второго типа), с соответствующими им особенностями¹⁶.

ДЕМОКРАТИЯ В СВЕТЕ НАЦИОНАЛЬНО-
ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ
ЕВРОПЕЙЦЕВ И РУССКИХ

Описанное выше — это, так сказать, общие теоретические (в смысле земной, реалистической, *не умозрительной* теории) основы характерологии, характерологической креатологии. Нам же в данной статье интересно прежде всего то, что можно сказать о характерах в аспекте их *региональных различий, национально-географической* специфики. Важным наблюдением, сделанным в характерологии и имеющим самое непосредственное отношение к общественным наукам, является то, что в разных странах исторически проживают люди с тем или иным преобладающим типом характера и это существенно влияет на духовный и материальный облик как отдельных социальных общностей, так и целых регионов мира¹⁷. Например, для стран Северной Европы характерными являются шизотимный (аутистический) и педантичный (ананкастический) тип, в англосаксонских странах доминирует аутистический тип, во многих странах Южной Европы, а также в Грузии, Израиле преобладают люди с бурно-сангвиническим темпераментом, в Латинской Америке распространен полифонический характер и т. д. Россия в этом ряду находится как бы между двумя макрорегионами с различной аутистической (замкнуто-углубленной) структурой характера: западной европейской и дальневосточной (Китай, Япония), отличаясь от них своей природной реалистичностью, изначальной тревожностью, со сложными нравственными исканиями, переживанием неполноценности (дефензивностью) (Бурно, 2008а: 49; 352–358).

В каком же смысле можно говорить о *национальном характере*? Национальный характер — это то особенное, что есть не у всех людей данной исторической общности (и даже не у большинства в ней), но является *типичным* для нее, накладывает свой отпечаток на все проявления культуры (как материальной, так и духовной) данного народа. «Это — природная особенность души,

которая в выразительном, типичном виде присутствует у многих в этом народе, оставляя хотя бы свою тень у большинства людей, составляющих этот народ, и достаточно ярко, проникновенно обнаруживает себя в истории и культуре народа» (там же: 353). Исходя из этого, представляется возможным говорить (уже в духе характерологической креатологии) и о том, как *по-особенному* проявляется национальный характер (т. е. типичное душевное у данной общности) в различных областях национальной жизни, в том числе в *общественной сфере*, в экономике и политике (на экономическом материале см., напр.: Мижерова, 2008). Или, переформулируя этот вопрос применительно к нашему предмету: *какие душевные особенности западных народов нашли отражение в демократической форме политического устройства и, напротив, почему российский душевный склад оказался невосприимчив (как, думается, со всей очевидностью показали 1990-е годы) к демократии как произведению иной (не славянской, не русской) души?* Попытаюсь ответить на этот вопрос, опираясь на разработки как характерологической креатологии, так и на исследования отечественных ученых — философов и обществоведов.

Очевидно, для того чтобы ответить на первый вопрос (как отразились особенности западного душевного склада в демократическом устройстве), необходимо сказать о том, что *представляет собой* сам этот душевный склад, в чем его специфика по сравнению, например, с душевной особенностью русских или восточных народов? Отчасти об этом уже было сказано выше: западное душевное устройство (понятно, что речь идет о самой обобщенной характеристике) есть устройство *шизотимическое* (здоровый, не болезненный вариант замкнуто-углубленного, аутистического характера — не путать с аутизмом!), при этом шизотимическое с преобладающей *рационалистической, интеллектуальной составляющей*. Этим данный душевный склад отличается, с одной стороны, от природной душевной особенно-

сти россиян (природная душевная реалистичность, часто с переживанием своей неполноценности, глубокими нравственными исканиями), а с другой — от тоже природного душевного устройства многих восточных народов (тоже шизотимический склад, но иной структуры, с чувственно-образной, иногда даже чувственно-эротической, доминантой). Поясню здесь. Под шизотимическим (аутистическим, замкнуто-углубленным) душевным устройством (имеющим, впрочем, множество вариантов) понимается характер людей *идеалистического склада души* (в противоположность людям с материалистическим мироощущением-мировоззрением), идеалистичность которого сказывается в переживании *изначальности духовного* по отношению к телесному, материальному. Примерами такого переживания, известными из культуры, могут быть и возвышенно-стройные музыкальные композиции И. С. Баха, и столь же стройное, углубленно-символическое (психосимволическое) литературное творчество Г. Гессе, и утонченно-бестелесные образы обнаженных женщин на картинах Модильяни, и отстраненно-теоретическое, лишенное земного полнокровия, но прекрасное в своей сложности-концептуальности научное творчество И. Канта, Г.-Ф.-В. Гегеля, З. Фрейда, А. Эйнштейна, многих других ученых-теоретиков, представителей разных наук (особенно в математике, теоретической физике, идеалистической философии, психологии). Таким образом, именно *отвлеченность теоретичности мышления и чувствования, особая, с чувством первичности Духа, погруженность в себя (интровертированность)* отличает людей данного душевного склада от представителей иных характеров (см.: Бурно, 2008а: 43–57; 250–254; Волков, 2000: 227–268).

Между тем, как уже отмечалось, шизотимный (аутистический) характер в реальности может иметь множество вариантов, создающих большое многообразие его проявлений в науке, культуре, искусстве, как и в общественной жизни, в политике. Одним

из таких вариантов шизотимного склада можно считать западную, *интеллектуально-рациональную*, аутистичность. Данный тип аутистического характера можно было бы назвать еще *аутистически-прагматическим*, из-за свойственной ему особого рода практичности — практичности, основанной не на земной расчетливости-расторопности (как, например, у русских купцов), а на (пускай и миниатюрной) *концепции*. М. Е. Бурно так пишет об этом в своем рассуждении об американском прагматизме (и основанном на нем сегодняшнем профессионализме в психотерапии): «Предполагаю, что Америка стала прагматической, как, в известной мере, прагматической была еще раньше и Европа, прежде всего благодаря природным идеалистически-интеллектуальным особенностям западной души в сравнении с дальневосточной идеалистически-чувственной душой и душой российской, особенной, склонной к сомневающемуся, тревожно-материалистическому, более мечтательному, нежели деятельному, анализу с неэнергичным состраданием к тому, кто в беде. Это задушевно-аналитическое российски-чеховское, как известно, уживалось, переплеталось в России с российской агрессивностью-жестокостью. *Аутистичность-идеалистичность, в широком (блейлеровском) смысле, нередко весьма практична, но именно теоретически-концептуальной, прагматической практичностью, с ее неослабевающим чувством порядка-гармонии.* Американская аутистичность при этом, видимо, более реалистоподобна, нежели европейская. *В любом случае аутистичность наводит более или менее основательный, серьезный распорядок в делах, занятиях с трезвым анализом, режимом, осторожностью, совершенствованием, со строгими экзаменами и перспективой*» (Бурно, 2008b: 17) (курсив мой. — Г. К.). И, замечу уже от себя, такая прагматичность, по-видимому, отчетливо проявляет себя как в бытовых вопросах, в делах профессии, в духовной жизни (известная деловитость американцев даже в вопросах религии), так

и в обустройстве *хозяйственной и политической жизни*.

Но, как пояснил профессор Бурно, прагматизм — свойство не только американского характера, он присущ и европейцам (составляет *типичное душевное* у них), вообще составляет известную душевную особенность не только современной, но и *Старой Европы* (Европы прошлых веков). В этом отношении весьма ценными представляются рассуждения философа, известного специалиста по истории западноевропейской философии (в частности философии европейского Просвещения) Т. Б. Длугач о понятии *здорового смысла*. В своей книге, выдержавшей несколько изданий, о жизни и творчестве трех крупнейших мыслителей Просвещения (Гольбах, Гельвеций, Руссо), профессор Длугач показывает *принципиальное значение здорового смысла* (понимаемого ей как «особая способность рассудка, а именно умение самостоятельно рассуждать о предметах и событиях повседневной жизни, умение, которое соотносится с более широкой способностью разума судить обо всех явлениях и объектах бесконечной действительности») для становления новоевропейской культуры, и в частности для вышедшей из нее *политической демократии* (Длугач, 2008: 4). Интересно то, как описывает исследовательница в своей книге «человека здорового смысла»: «Что же скрывается за здоровым смыслом? Если исходить из самых общих интуитивных представлений, то здоровый смысл предстает как способность каждого человека самостоятельно решать вопросы и преодолевать трудности своей повседневной жизни, исходя из собственных интересов, но при этом учитывая интересы и других и действуя таким образом, чтобы жизнь протекала нормально и чтобы не возникали конфликты, способные потрясти ее основания. *Человек, обладающий здоровым смыслом, спокойно налаживает свой быт, оптимально организует работу, находит наилучший выход из возникающих на жизненном пути тупиков. ...Отсутствие здорового смысла оборачивается полной нефри-*

способленностью к житейским ситуациям, ведет к непрекращающимся коллизиям и даже катастрофам» (там же: 4) (курсив мой. — Г. К.). В другом месте Т. Б. Длугач также отмечает такую специфическую черту здорового смысла, как его *особая внутренняя связь с индивидуальной ответственностью, ответственностью* человека за свою повседневную жизнь, «за *этот поступок, за этот день, за это содержание своего поведения»* (там же: 9).

Безусловно, рассуждения исследовательницы о здоровом смысле носят *теоретический* характер и не связаны с характерологией, но за ее описаниями здравомыслящего субъекта Нового времени без труда угадываются черты *определенного характерологического склада*, душевной структуры *аутистического европейца-прагматика* («автономного индивида» классических философов Нового времени). Как утверждает сама Тамара Борисовна, «фактически понятие здорового смысла тождественно понятию автономной личности, которая формируется, начиная с XVII в., и постепенно становится *основой демократического общества»* (там же: 9) (курсив мой. — Г. К.). Однако в каком смысле прагматически-аутистическое душевное устройство обнаруживает здесь связь с *определенной политической формой*, с демократией? Думаю, дело в том, что сама демократия по своей сути — вполне прагматическое устройство и представляет собой не что иное, как *искусно разработанный механизм, машину согласования интересов*. И этот механизм, машина (точнее, ее модель) не случайно возникла в период раннего европейского модерна (ранней Современности) с его нарождающимся капитализмом, бурно утверждавшим себя индивидуализмом собственников и неизбежно возникавшими в этой конкурентной среде экономическими и политико-правовыми *конфликтами* (вплоть до состояния «войны всех против всех», описанного Томасом Гоббсом). И вот именно демократия (и в более широком смысле *общественный договор, социальный контракт*, теоретически описанный новоевро-

пейскими мыслителями XVII–XVIII вв.) как особого рода искусственное изобретение становится для новоевропейского человека спасительным выходом из создавшегося положения. «...Полагаясь на себя, преследуя свои собственные интересы, каждый человек как будто совершенно игнорирует других и, более того, на каждом шагу рискует вступить с ними в конфликт. И тем не менее тот самый здравый смысл, который, казалось бы, побуждает каждого стремиться к собственной выгоде, заставляет его считаться и с интересами других и искать с ними компромисса. *В собственном смысле демократия и есть система компромиссов; это не власть большинства (или даже всего народа), а реальность компромиссов между различными группами, слоями, партиями, индивидами.* В подобных компромиссах (или, как сказали бы сейчас, консенсусах) *утверждается не что иное, как партнерство, способствующее укреплению социального равенства.* Иными словами, компромисс, по сути дела, есть выражение *обоюдного (всестороннего) уважения и признания прав других автономных личностей*» (там же: 9–10; 284–288) (курсив мой. — Г. К.). Что это, если не прагматизм, с его *аутистически-теоретической основой в виде идеи формального равенства индивидов, разумного компромисса, уважения прав*, немного холодноватый, но зато весьма расчетливый, с красиво-интеллектуальной, полезной, а главное — четко выверенной концепцией?

Совсем не то мы имеем возможность наблюдать в России. Будучи вынужденной обратиться к опыту западной демократии на рубеже 1980–1990-х годов (в попытке выйти из глубокого кризиса социально-экономической системы), Россия (тогда еще часть СССР), провозгласив свою приверженность демократическим ценностям, утвердив новую демократическую Конституцию, формально создав все необходимые институты демократического общества (прежде всего это парламент, избираемый путем всенародных выборов на основе свободной конкуренции политических партий), в результате так

и не смогла *в полной мере* освоить правила демократической жизни. Приведу в этой связи глубокое и очень точное наблюдение известного социального философа, одного из ведущих в России специалистов по теории модернизации В. Г. Федотовой. Как показывает исследователь, анализируя социальную и политическую ситуацию 1990-х годов, несмотря на официально провозглашенный переход к демократии, десятилетие демократических преобразований было настолько далеко от исходной (и как утверждалось, реализуемой в России) западной модели, что речь скорее должна идти не о демократии, а о совсем ином (противоположном ей) *типе социального и политического порядка*, который обозначается философом как «анархия». В России, справедливо полагает В. Г. Федотова, «...утвердилось представление о демократии как антикоммунизме, как о свободе ото всего, как о словах, как об имени, присваиваемом одной группе в пику плохому, «недемократическому» противнику, хотя на деле это ничего общего с демократией не имеет. Не имеет к ней отношения *понимание свободы как естественного состояния, анархии или постмодернистского вместилища всего чего угодно.* Все эти трактовки свободы, которые у нас исповедует всяк от мала до велика, от правителей, неолиберальных идеологов и их политических оппонентов до народа, не отражают представлений о свободе как форме политической и цивилизационной организации общества. Однако эти трактовки являются доминирующими в российском обществе» (Федотова, 2005: 223) (курсив мой. — Г. К.). Яркой иллюстрацией того, о чем говорит Валентина Гавриловна, может быть приводимый ею же пример электоральной компании 1996 года, когда народ, к тому времени уже серьезно уставший от новых российских реформаторов, в очередной раз (вопреки ожиданиям многих) проголосовал за Ельцина (а не за коммунистов, шансы которых оценивались на тот момент достаточно высоко). И причиной тому, как показывает Федотова, было вовсе не «оболванивание» электората из

телеэфира, а нечто другое, неожиданное — боязнь миллионов людей, что «коммунисты заставят их работать — вернут к станкам, цехам, полям и фермам». «Они (россияне. — Г. К.) уже не хотели оставить частный извоз, холодную палатку, свой огород, сомнительный бизнес и пр. (Я уже не говорю о криминальных делах, в которые еще, слава Богу, было вовлечено не все самостоятельное население.) Миллионы людей не хотели уходить из натурального хозяйства, в которое они попали (попали в результате деиндустриализации 1990-х годов и связанной с ней массовой потерей работы. — Г. К.), и видели в этом свободу в ее традиционном российском исполнении — волю (вместо свободы как политической системы и цивилизующей силы)» (там же: 224) (курсив мой. — Г. К.). «Анархическое понимание свободы является типичным для России, в которой обнаруживается вторичная ценность свободы в сравнении с равенством и справедливостью, а также тяготение к анархическому представлению о свободе как воле», — заключает В. Г. Федотова (там же: 225; также: 98–151).

Таким образом, сравнительный анализ западной демократии в ее истоках (проистекающих, как было показано выше, из определенного душевного, характерологического склада) и специфических особенностей понимания демократии в России (с соответствующим этому пониманию социальной и политической практикой), на мой взгляд, свидетельствует о *глубоком и вряд ли преодолимом различии в характерах, мироощущении русского человека и человека западного* (описанного выше аутиста-прагматика). Если западный человек в силу особенностей своей души (аутистически-идеалистической, по М. Е. Бурно) склонен к самоорганизации, ответственности и дисциплине (результатом чего и становится демократия), то русский, опять-таки в силу своих природных душевных особенностей, мало способен (по своей воле) жить по *определенным четким правилам*, предпочитая (особенно в условиях цивилизационного кризиса и сопровождающе-

го его распада государства) социально-организованной свободе *свободу как волю, анархию*¹⁸. Эта природная неорганизованность русского человека (хотя и с определенной свойственной ему смекалкой, техническим умением) отмечается и М. Е. Бурно в его статье о профессионализме: «Как же обстоит дело с профессионализмом, прагматизмом у нас? Конечно, по-другому (чем на Западе. — Г. К.). Это тема Обломова и Штольца. Мы, в массе своей, никогда не были склонны к серьезной, кропотливой, энергичной, основательной подготовке, справедливым учебным строгостям. <...> *Титичный россиянин, в любом деле работающий порывами (нередко творческими), скорее инертный, тревожно-сомневающийся мечтатель или грустновато-добродушный, ловкий в работе мастер (когда разойдется), нежели работающий, как часы, оптимистический педант*» (Бурно, 2008b: 17) (курсив мой. — Г. К.). И эта психологическая особенность русского, российского человека, коренным образом отличающая его от человека западного, согласно М. Е. Бурно, проистекает из вообще дефензивной (точнее, дефензивно-реалистической, материалистической) природы русской души (см.: Бурно, 2008a: 353–354)¹⁹.

Значит ли это, что демократия (как произведение иной, аутистически-идеалистической, прагматической природы души) обречена в России? Несмотря на все неудачи демократии в нашей стране, все же не хотелось бы думать так. Демократия, как уже отмечалось, представляет собой универсальную ценность, и можно согласиться с профессором И. К. Пантиним, что сегодня и западные народы (включая Россию) должны пытаться усваивать ее опыт (см.: Пантин, 2007). Другое дело, что нам, русским, надо стараться более тщательно изучать свои национальные (в том числе национально-психологические) особенности с тем, чтобы, осторожно перенимая западный опыт, постепенно создавать *основы собственного проекта политического устройства* (если и не вполне демократического в классическом, западном

понимании, то хотя бы с *существенными элементами* западноевропейской демократии), начало теоретическому осмыслению которого уже положено в научной среде (см.: Демократия для России — Россия для демократии, 2008). И, конечно же, вместе с избирательным усвоением западного опыта по возможности пытаться привить себе *хотя бы толику той организованности, собранности, внутренней дисциплины*, которая *от природы* свойственна западным (шизотимным, аутистическим, с педантичностью) людям и которая во многом обеспечивает успех западных ценностей и основанно на них западного образа жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сегодня в отечественной политической науке можно встретить точку зрения, отрицающую нормативное значение классического разграничения между демократией, с одной стороны, и тоталитарными и авторитарными системами, с другой. Авторитаризм признается такой же легитимной и правомерной формой правления, как и демократия (см., напр. в учебной программе для студентов-политологов: Ильинская, 2008: 3). Полное устранение указанного нормативного разграничения неизбежно ведет к научному и ценностному релятивизму, в результате которого нивелируется главный вопрос классической политической философии о благой жизни и хорошем правлении (Лео Штраус). Поэтому более взвешенной представляется позиция авторов, показывающих несводимость политического и экономического опыта современности к единому образцу (каковым до недавних пор выступал Запад), но оговаривающих важность сохранения классического образа демократии как общего ценностного регулятива современных обществ (см.: Федотова, 2008: 12–15).

² В психоанализе существует своя система характерологических типов (оральный, анальный, мазохистский, «истерическая женщина», «пассивно-женственный» мужчина и др.), но выведенных умозрительно, в отрыве от материально-телесных (биологических, конституционально-генетических) основ.

³ Того, что называется *клиническим опытом* у врачей.

⁴ См., в частности, выступление профессора Свободного университета Западного Берлина Э. Альтфатера на круглом столе «Демократия: универсальные ценности и многообразие исторического опыта» 16 мая 2008 г. в Институте философии РАН. Материалы этой дискуссии опубликованы журналом «Полис» (см.: Демократия: универсальные ценности и многообразие исторического опыта, 2008).

⁵ Подробный анализ причин, этапов, специфики демократического транзита в постперестроечной России содержится в работах И. К. Пантина (см.: Пантин, 2007; Пантин, 2004). О соотношении принципов демократии и авторитаризма в современной российской политике см. также нашу работу (Канарш, 2009а).

⁶ К точке зрения Ю. С. Пивоварова примыкает и позиция И. И. Глебовой, которая, полемизируя с Л. Ф. Шевцовой, утверждает в своих работах, что Россия не просто «не справилась с демократией» (как полагает Шевцова), но именно «справилась — овладела ею, использовала, приспособила к себе». Естественно, сохранив при этом свое культурное и политическое своеобразие (см.: Глебова, 2006: 6).

⁷ В частности, такие исследователи, как И. К. Пантин и Т. Е. Ворожейкина, во многом связывают неуспех демократических преобразований с тем, что демократия в России состоялась только в «верхушечном», шумпетерианском варианте («шумпетерианская демократия»), не затронув широкие слои населения, не предоставив им необходимых каналов, инструментов политического влияния (см.: Пантин, 2007; Ворожейкина, 2008).

⁸ Терапия творческим самовыражением М. Е. Бурно — отечественный психотерапевтический метод, представляющий собой клиническую (т. е. медицинскую, не психологическую) разновидность терапии духовной культурой.

⁹ Сказанное про искусствознание можно вполне отнести и к другим теоретическим дисциплинам, в том числе и к политологии.

¹⁰ Как отмечает М. Е. Бурно, «философию характерологической креатологии, думается,

точнее назвать все же естественно-научным материализмом Дарвина, Э. Кречмера, Ганнушкина, нежели диалектическим материализмом, поскольку в ней, в этой философии, нет оголтелой марксистской уверенности в своей единственной, абсолютной, правоте» (Бурно, 2009: 171).

¹¹ Словами М. Е. Бурно: «...природа характера (характера человека и даже животных) есть особенное защитно-приспособительное образование для определенного свойственного этой природе существования, выживания в мире» (Бурно, 2009: 48).

¹² Психологической (т. е. идеалистической, не естественно-научной по своим основаниям) является, например, психоаналитическая, неорайхианская характерология, развитая последователями Фрейда и Райха.

¹³ Без скобок даются названия акцентуированных (здоровых, в границах нормы) характеров; в скобках — названия нездоровых (психопатических) характеров, но имеющих со здоровыми общий душевный рисунок.

¹⁴ Тринадцатым характером, не обозначенным в этой классификации, можно считать эпилептический характер, образующийся (как явствует уже из названия) в результате болезненного эпилептического процесса, создающего особый вид характерологической душевной мозаики (и отчетливо выдающийся, например, в творчестве известных эпилептиков — писателей Ф. Достоевского и Л. Толстого, философов В. Розанова и К. Леонтьева).

¹⁵ О полифоническом характере (термин введен московским клиническим психологом Е. А. Добролюбовой) говорят применительно к душевному устройству людей с шизотипическим расстройством (по современной международной классификации болезней; в России традиционно — малопрогредиентная неврозоподобная шизофрения) и шизофренических (шубообразных, приступообразных) пациентов (см.: Добролюбова, 2003.)

¹⁶ Отмечу здесь, что типы эти, в отличие от психологических психотипов (например, юнговских), устанавливаются, выявляются в результате не абстрактно-умозрительного анализа, а в процессе медицинской клинической

практики, работы с множеством разнообразных пациентов (а сегодня в рамках характерологической креатологии и со здоровыми людьми), т. е. путем особого (как правило, доступного только врачам) клинического мышления-чувствования (об особом клиническом исследовании см.: Бурно, 2009: 51–59).

¹⁷ Парадигматическим можно считать пример, приводимый в характерологии, с тремя древними государствами: Древним Египтом, античной Грецией и Римом. Культура первого соответствует аутистическому (замкнуто-углубленному) характеру; культура второй (прежде всего Афин) — синтонному (сангвиническому) характеру; культура третьего — напряженно-авторитарному характеру (см.: Бурно, 2008а: 353; Краснушкин, 1960).

¹⁸ В элементарных формах прагматизма, согласно М. Е. Бурно, всегда «видится некая, по-своему прекрасная, миниатюрная концепция, элементарная теоретичность, интеллектуализация». Что и отличает ее от тоже практичности (например, русских людей), но не концептуальной (см.: Бурно, 2008b: 16–17).

¹⁹ В то же время нельзя сказать, чтобы русский человек был непрактичен: напротив, социальная ситуация 1990-х годов как раз свидетельствует о том, что русские очень неплохо приспосабливаются к новым (и довольно тяжелым) для них условиям, демонстрируя особую витальность народа, его жизненную силу (см.: Федотова, 2005: 104–105.)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бурно, М. Е. (2007) Терапия творческим самовыражением (ТТС) в практической психологии и педагогике // Психотерапия. № 9 (57). С. 13–17. (URL: <http://kirillgorelov.narod.ru/Pedagogika2.doc>).

Бурно, М. Е. (2008а) О характерах людей (психотерапевтическая книга). М. : Академический проект ; Фонд «Мир».

Бурно, М. Е. (2008b) Профессионализм и клиническая психотерапия // Психотерапия. № 2. С. 16–19. (URL: <http://kirillgorelov.narod.ru/ProfIKlinichPcchotherapia.doc>).

Бурно, М. Е. (2009) Клинический театр-общество в психиатрии (руководство для пси-

хотерапевтов, психиатров, клинических психологов и социальных работников). М. : Академический Проект ; Альма Матер.

Волков, П. В. (2000) Разнообразие человеческих миров (Руководство по профилактике душевных расстройств). М. : Аграф.

Ворожейкина, Т. Е. (2008) Самозащита как первый шаг к солидарности // Pro et contra. Март — июнь. Т. 12. № 2–3. С. 6–23. (URL: http://www.carnegie.ru/ru/pubs/procontra/ProEtContra_14_6-23.pdf).

Ворожейкина, Т. Е. (2007) Несбывающаяся политика // Отечественные записки. № 6 (URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=40&article=1568>).

Глебова, И. И. (2006) Как Россия справилась с демократией: Заметки о русской политической культуре, власти, обществе. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).

Демократия для России — Россия для демократии / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; отв. ред. А. А. Гусейнов. (2008) М. : ИФ РАН.

Демократия: универсальные ценности и многообразие исторического опыта : материалы круглого стола (2008) // Полис. № 5. С. 55–73.

Длугач, Т. Б. (2008) Подвиг здравого смысла, или Рождение идеи суверенной личности (Гольбах, Гельвеций, Руссо). М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация».

Добролюбова, Е. А. (2003) Шизофренический «характер» и Терапия творческим самовыражением // Практическое руководство по Терапии творческим самовыражением / под ред. М. Е. Бурно, Е. А. Добролюбовой. М. : Академический Проект, ОППА. С. 311–315.

Ильинская, С. Г. (2008) Программа курса «Введение в политологию» // Политические науки : программы учебных курсов / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; ГУГН. Факультет политологии ; М-во образования и науки РФ ; сост. С. Г. Ильинская ; ред. А. Ф. Яковлева. М. : ИФ РАН.

Канарш, Г. Ю. (2009a) Демократия и авторитаризм в постсоветской и современной России // Философия и культура. № 5–6.

Канарш, Г. Ю. (2009b) Характерология // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 239–241.

Краснушкин, Е. К. (1960) Опыт психиатрического построения характеров у правонарушителей // Избранные труды. М. : Медгиз. С. 201–226.

Мижерова, К. М. (2008) Характерологическая креатология, психотерапия и экономические учения // Психотерапия. № 6. С. 39–42. (URL: http://kirillgorelov.narod.ru/Khar_creat_pst_economic.pdf).

Пантин, И. К. (2004) Судьбы демократии в России. М. : ИФ РАН.

Пантин, И. К. (2007) Выбор России: характер перемен и дилеммы будущего // Полис. № 6. (URL: <http://www.politstudies.ru/fulltext/2007/4/8.htm>).

Пивоваров, Ю. С. (2006) Русская политика в ее историческом и культурном отношении. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).

Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств / А. Ю. Мельвиль, М. В. Ильин, Е. Ю. Мелешкина и др. (2007) М. : МГИМО-Университет.

Федотова, В. Г. (2005) Хорошее общество. М. : Прогресс-Традиция.

Федотова, В. Г. (2008) Суверенная демократия и национальная модель модернизма // Демократия для России — Россия для демократии / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; отв. ред. А. А. Гусейнов. М. : ИФ РАН. С. 12–15.

Шевцова, Л. (2004) Как Россия не справилась с демократией: логика политического отката // Pro et Contra. Т. 8. № 3. С. 36–55. (URL: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/procontra/Vol8n3-03.pdf>).

Шевченко, В. Н. (2005) Глобализация и судьба российской государственности // Судьба государства в эпоху глобализации. М. : ИФ РАН.